

18+

ПИТЕР АКРОЙД

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

РЕВОЛЮЦИЯ

От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

История Англии

Питер Акройд

**Революция. От битвы на
реке Бойн до Ватерлоо**

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

Акройд П.

Революция. От битвы на реке Бойн до Ватерлоо / П. Акройд — «Азбука-Аттикус», 2016 — (История Англии)

ISBN 978-5-389-19523-3

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому. Период между Славной революцией (1688) и победой армии союзников при Ватерлоо (1815) вобрал в себя множество событий. Поражение Якова II и правление Вильгельма III Оранского, война за испанское наследство, начавшаяся со вступления на английский престол королевы Анны, присоединение Шотландии к Англии и, следовательно, образование Великобритании в 1707 году, правление Георга I (правнука Якова I), якобитское восстание 1715 года, война четверного союза 1718–1720 годов, правление Георга II, война за австрийское наследство и семилетняя война, правление Георга III с такими важными вехами, как присоединение Ирландии и война с Наполеоном... Именно на этом отрезке времени парламент стал суверенным органом с обязанностями, намного превосходящими монаршие, были основаны Банк Англии и Лондонская фондовая биржа, а беспрецедентные технологические инновации превратили Англию из сельскохозяйственной страны в страну стали и угля. Значительные преобразования произошли и в культурной жизни – появились газеты и родился жанр английского романа. 37 иллюстраций на цветной вклейке сопровождают детальный портрет эпохи, созданный выдающимся мастером исторического повествования Питером Акройдом. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-19523-3

© Акرويد П., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

1	7
2	17
3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Питер Акройд

Революция

От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume IV. Revolution

Впервые опубликовано в 2016 году издательством Macmillan, импринтом Pan Macmillan

Перевод с английского Ирины Никитиной
Научный редактор: Захаров А. О., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

© Peter Ackroyd, 2016
© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

* * *

Потрясающее освещение поистине революционного периода в истории Англии. Все исследователи национальной истории должны в обязательном порядке, как учебники, читать сочинения Акройда, изучать его методологию и всю совокупность трактовок.

Kirkus

Прекрасно! Интеллектуальное и информативное чтение.

Spectator

Тонкий и последовательный анализ исторических событий, представленный необычайно увлекательно.

BBC History Magazine

1

Что вы теперь скажете о предопределении?

Перед лицом надвигавшейся армии Вильгельма Оранского король Яков II обратился в бегство. Изгнанник нашел приют во Франции у своего кузена Людовика XIV, а Вильгельм Оранский вольготно устроился в Уайтхолле¹, однако было совершенно непонятно, кто же на самом деле правит Британией. В этой связи в начале 1689 года² была созвана Конвенция – нечто среднее между собранием благородного сословия и парламентом. Поскольку у страны не было монарха, который имел право инициировать выборы, Конвенция была собрана спешно и без специальной подготовки, хотя и имела серьезные последствия, ибо ознаменовала настоящую революцию в государственных делах.

Участники Конвенции встретились в конце января 1689 года с целью обсудить положение Якова и статус Вильгельма; немедленно начались прения о том, был ли трон «покинут» или «освобожден», – беседа, без сомнения, высокоученая, однако преследовавшая единственную цель – раз и навсегда исключить бежавшего короля из числа претендентов на престол. В конце концов палата общин объявила, что Яков II «отрекся». Однако такого термина в национальном законодательстве не существовало, поэтому его использование было своего рода юридической фикцией. Правда, не существовало и альтернативы, которую можно было бы противопоставить власти самозванца. Сложно было представить что-то худшее, чем деспот-католик Яков II, для государства, преимущественно исповедовавшего протестантизм. Один тот факт, что некоторые представители знати обратилась к Вильгельму Оранскому с просьбой вмешаться и разрядить стремительно накалявшуюся обстановку, позволил рассматривать легкую победу принца как в известной степени законное и санкционированное действие. Однако он не мог претендовать на престол лишь по праву его завоевания – уж слишком страшны были воспоминания о Вильгельме I Завоевателе, которого так усердно ненавидели рьяные республиканцы. Вильгельму требовалось вступить на трон «на законных основаниях» – довольно размытая и удобная формулировка, подходившая для описания самых разных обстоятельств.

К началу февраля члены Конвенции составили так называемую декларацию прав. Одна из ее статей запрещала создание регулярной армии в мирное время, то есть фактически упраздняла одну из величайших привилегий неограниченной монаршей власти. Аналогичную направленность имели и другие статьи. Так, например, законы могли приводиться в исполнение или отменяться исключительно с согласия парламента, как и сбор налогов в пользу короны; свобода слова в парламенте имела первостепенное значение, а в заключительной статье декларации говорилось, что «парламентские слушания должны проводиться на регулярной основе».

Декларация, впоследствии получившая название «Билль о правах» (Bill of Rights), была формально изложена Вильгельму и его супруге Марии, дочери свергнутого короля. Супруги заседали в Банкетном зале³. После того как Вильгельм подтвердил «с благодарностью их монаршее согласие на поступившее предложение», супругов объявили монархами Англии и Шотландии на равных правах. В этом крылась искусная уловка. Согласие Вильгельма означало

¹ Уайтхолл (Уайтхолльский дворец) – крупнейший в Европе королевский дворец, насчитывавший свыше полутора тысяч помещений, был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 г. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Новый и старый стиль датировки – григорианский и юлианский календари соответственно – были в ходу на континенте и в Англии независимо друг от друга и имели разницу в 10 дней. В Англии юлианского календаря придерживались вплоть до 1751 г., поэтому и я использовал старый стиль, повествуя о событиях до этого момента. В XVII в. празднование Нового года приходилось на 25 марта, однако я придерживался более привычной для нас даты – 1 января. – *Прим. автора.*

³ Банкетный зал (Банкетинг-хаус, или Банкетный дом) – единственное здание Уайтхолльского дворца, уцелевшее после пожаров 1691 и 1698 гг. Потолок Банкетного зала украшают девять картин П. Рубенса.

лишь, что он понял и принял декларацию как залог своей официальной коронации под именем Вильгельм III, однако формальной клятвы он никому не давал. Впрочем, многие современные историки придерживаются мнения, что Вильгельм получил власть именно благодаря действиям парламента. Право помазанника Божьего, указывавшее на божественное происхождение королевской власти, осталось в прошлом. Впоследствии Даниель Дефо заявил, что парламент обладал «безграничной и бесконечной властью, а могущество его сопровождает сама бесконечность».

Молчание Вильгельма относительно содержания декларации вовсе не означало его одобрения и согласия. Его отнюдь не привлекали изложенные в ней принципы. Декларация была чисто английским изобретением, большей частью основанным на практическом опыте, при этом Вильгельм прекрасно понимал, что она ограничивала его власть. По его словам, он не имел ни малейшего желания соглашаться с некоторыми условиями, однако «положение дел взяло верх над его намерениями». Впоследствии он сетовал, что «король без казны и власти – худшее из правительств». На следующий день после того, как в Банкетном зале Джордж Савиль, 1-й маркиз Галифакс, вручил Вильгельму корону, тот заметил, что «роль его сродни фигуре короля в шахматной партии». Однако ему во что бы то ни стало требовалось сыграть ее.

Объединение мелкопоместного дворянства, или джентри, и аристократии на деле позволило сформировать систему государственного устройства, которая исключала угрозу королевского абсолютизма и защищала имущество от самочинной конфискации. Их не увлекала идея введения парламентом различных мер по исправлению положения ради общественного блага или благородного стремления к порядку. Единственное, что их интересовало, – это личная выгода. В результате произошло событие, получившее название «Славная революция», – в теории результат Божественного провидения, а на практике – плод сотрудничества представителей политической элиты, аристократии и олигархии при поддержке поместного дворянства. Эта новая элита удерживала власть на протяжении ближайших двух столетий.

Против нового порядка резко выступили те, кто считал клятвы верности свергнутому королю непреложными и нерушимыми: уж если самый священный договор можно было нарушить, где же тогда истинный оплот порядка и авторитета? Противники декларации, отказавшиеся принести клятву верности Вильгельму и Марии, получили название «неприсягатели». Среди них были и самые высокопоставленные представители английского духовенства, например архиепископ Кентерберийский Уильям Сэнкрофт. Его взгляды разделили восемь епископов и 400 священников. 11 апреля 1689 года он не присутствовал на коронации Вильгельма и его супруги в Вестминстерском аббатстве; корону на голову Вильгельма возложил епископ Лондонский. Уже на следующий год Сэнкрофт был вынужден оставить свой пост.

Неприсягатели были показателем разобщенности государства; многие из них стали якобитами, то есть сторонниками изгнанного Якова, – если не на деле, то по духу. Нет сомнений, что во многих частях страны к Вильгельму относились более чем прохладно, в нем видели чужеземца, возведенного на трон грубой силой. Впрочем, делать было нечего. Он уже носил корону. Единственное, что оставалось в удел несогласным, – это безразличие или покорность.

Новый король превратил Конвенцию в парламент. Для этого он воспользовался простым и удобным приемом – не покидая трона, обратился к обеим палатам с речью. В своей коронационной клятве он обещал править в соответствии со «статутами, одобренными парламентом, а также законами и обычаями Англии». Это ознаменовало новую расстановку сил в общественном устройстве. И тем не менее нельзя сказать, что отношения между короной и парламентом были безоблачными. Так, словно в подтверждение своей усилившейся власти, члены парламента отказали Вильгельму в предоставлении пожизненного содержания и в финансировании намеченной королевской военной кампании против Франции. Они слишком хорошо запомнили печальный урок, преподнесенный им предыдущим монархом, который был слишком самостоятельным и справлялся со всеми вопросами, не прибегая к помощи парламента. Теперь

Вильгельму, чтобы обслуживать свои долги, пришлось подчиниться парламенту, заседания которого стали более регулярными. Впредь парламент собирался ежегодно, а сессии длились по несколько месяцев; всеобщие выборы проводились в среднем каждые два года. Скорость, с которой новый политический курс набирал обороты, повысила градус политической жизни, спровоцировав явление, известное под названием «неистовство партий»⁴.

Это пришлось не по вкусу новому королю, питавшему глубокую неприязнь к вздорным политикам. Будучи по природе сдержанным, если не сказать замкнутым и нелюдимым, новый монарх еще и плохо говорил по-английски. Душой он всегда стремился на родину, подальше от ханжеского и докучливого английского двора. Он ненавидел помпезность. Его манеры и внешность отнюдь не соответствовали возложенным на него новым обязанностям. Он говорил медленно и кратко. По натуре он был расчетливым, бесстрастным и методичным. Несмотря на довольно худощавое телосложение, он выглядел вполне внушительно; правда, из-за приступов астмы его речь часто прерывалась сильным кашлем. Вскоре после воцарения он покинул туманный и сырой Вестминстерский дворец и переехал в Кенсингтон, который мог похвастаться более благоприятными условиями. Большую часть времени король был суров и даже мрачен, а улыбка появлялась на его лице крайне редко; лишь в тесном кругу голландских советников он мог позволить себе расслабиться.

Современники короля поговаривали, что его придворные были гомосексуалами, а двум своим ближайшим фаворитам – 1-му графу Портленду и графу Албемарлу – Вильгельм даровал полмиллиона акров земли (свыше 2000 кв. км, или 200 000 га). Принцесса Елизавета Шарлотта Пфальцская – супруга Филиппа I, герцога Орлеанского и младшего брата французского короля, поинтересовалась даже, не стал ли, случаем, королевский двор задним (фр. *château de derrière*), намекая на нетрадиционную сексуальную ориентацию большинства его представителей. Ее собственный муж по прозвищу Месье и сам был одним из известных гомосексуалов своего времени, поэтому вполне вероятно, что Елизавета обладала на этот счет достоверной информацией из первых рук. В ту пору в дворцовых кулуарах ходило стихотворение, в котором были такие строки:

Давайте же помолимся о благе государства за душу короля,
Чтоб в дырку нужную он Роджера засунул, не посрамив себя⁵.

Гилберт Бернет⁶, епископ Солсбери и ярый сторонник нового устройства, как-то таинственно намекнул, что король «не имеет грехов, кроме разве что одного, однако держит его в большой тайне и проявляет крайнюю осторожность». Возможно, речь идет об алкоголизме, однако это маловероятно. Ни для кого не секрет, что гомосексуальные отношения существовали при дворе любой милитаристской державы, где ведущие роли распределялись среди представителей мужского пола, например при дворе Вильгельма III. Впрочем, как и большинство рассказов о гомосексуальности королей, эта история не имеет доказательств.

Как бы то ни было, Вильгельм был убежденным кальвинистом, придерживавшимся самого строгого толкования предопределения из всех возможных. Именно поэтому он так слепо верил в судьбу. Когда Вильгельм высадился в Торбее, готовясь встретиться лицом к лицу с Яковом II, он спросил Гилберта Бернета: «Итак, учитель, что вы скажете о предопределении теперь?» Сам Вильгельм полагал, что его миссия прежде всего состоит в том, чтобы пойти войной на французского короля-католика. Это было делом его жизни. Возможно, именно его

⁴ «Неистовство партий» – название эпохи с 1688 примерно до 1715 г., которая характеризовалась политической неустойчивостью, усиливающейся политической борьбой внутри парламента и частыми выборами в него. – *Прим. науч. ред.*

⁵ Let's pray for the good of our State and his soul / That he's put his Roger in the right Hole.

⁶ Бернет Гилберт – шотландский священник и советник Вильгельма III, получивший сан епископства в Солсбери, историк, автор книги «История моего времени», которая стала ценным источником сведений о событиях тех лет.

горячая вера объясняет бесстрашие и отвагу, проявленные им на поле битвы. И разумеется, именно вера явилась одной из причин его лояльности в отношении диссентеров⁷, вышедших из лона англиканской церкви.

Одной из первых инициатив нового парламента стало создание билля, учреждавшего и поощрявшего веротерпимость. Акт о веротерпимости (Toleration Act; полное название – Акт об освобождении от наказаний, предусмотренных соответствующими законами, протестантских верноподданных, отделившихся от англиканской церкви) предоставлял диссентерам право на проведение собственных публичных богослужений и правовую защиту. В последующие два десятилетия более двух с половиной тысяч церквей и молелен получили разрешение на проведение богослужений. Стремление Вильгельма угодить собратям по вере, будь то протестанты или даже кальвинисты, было понятным и справедливым. Такое положение дел создало благоприятную обстановку для пробуждения методистской церкви в 1740-х годах, однако большая часть представителей англиканской церкви полагала, что права государственной религии были нарушены. Это неудивительно, ведь к середине XVIII века на фоне растущего числа ревностных сторонников других учений традиционная церковь отличалась безразличием и равнодушием.

Весной 1689 года Вильгельм объявил войну Франции. Основной предпосылкой вторжения, организованного им за год до этого, было намерение воспользоваться богатством и ресурсами Англии в ходе масштабной кампании против французского владычества в Европе, а кроме того, устранить угрозу, которую Франция представляла для независимости Республики соединенных провинций⁸, в которой он занимал должность штатгальтера, или наместника. Именно этими соображениями Вильгельм руководствовался на протяжении последних шестнадцати лет. Незадолго до вторжения французов в 1672 году Вильгельм заявил, что будет защищать свою страну «до последней капли крови». Людовик XIV, в свою очередь, назвал Вильгельма своим «заклятым врагом». Король Франции мечтал создать грандиозную империю Бурбонов и, встав во главе ее, править из Версаля. «Король-солнце» (фр. *le Roi-Soleil*) готовился светить над всей Европой. Если бы ему удалось подчинить Нидерланды, он покорил бы самую мощную протестантскую державу на континенте. Чаяния англичан были куда более скромными. Они согласились на военную кампанию Вильгельма лишь для того, чтобы исключить возможность возвращения Якова II под патронажем французской короны; они не хотели становиться, как говорилось, «папистами или рабами». Все надеялись, что война будет короткой.

Однако надежды не оправдались. Вильгельм возглавил военную кампанию против своего давнего врага, которая получила название Девятилетняя война⁹. Король принял на себя обязанности министра иностранных дел и, чтобы организовать наступление, сформировал коалицию держав, в которую среди прочих вошли Испания и Священная Римская империя. Эта «империя» представляла собой в значительной степени свободную конфедерацию независимых правителей, стоявших во главе государств Центральной Европы и опасавшихся французского господства. Впрочем, война Вильгельма была лишь прелюдией к куда более крупному и длительному конфликту. Война Англии против Франции продолжалась пятьдесят восемь лет, долгая вражда закончилась лишь в 1815 году в битве при Ватерлоо. Уже успевшая укорениться культура войны сильно изменила общественную, финансовую и политическую жизнь

⁷ Диссентеры – английские протестанты, которые в XVI–XVII вв. отделились от господствующей епископальной церкви (конгрегационалисты, пресвитериане, баптисты), а также римские католики.

⁸ Республика соединенных провинций, также известная под названием Голландская республика, или просто Голландия, или Нидерланды, – государство, образовавшееся в результате победы Нидерландской буржуазной революции XVI в.

⁹ В 1688 г. разгорелся конфликт, вошедший в историю под названием война Аугсбургской лиги, война Большого альянса, или Девятилетняя война (1688–1697), в ходе которого Франция противостояла Аугсбургскому альянсу, в котором среди прочих состояли Англия, Испания и Нидерланды.

англичан. Армии, участвовавшие в военных действиях, разрастались. Налоги увеличивались в геометрической прогрессии. Все эти события станут одной из тем данного тома.

С глаз Вильгельма спала пелена очарования английским парламентом. Весной и летом 1689 года он не раз сетовал, что «палата общин использовала его как пса» и что «он не мог их выносить». Еще со времен правления Якова II были проведены четкие границы между двумя крупнейшими политическими партиями Англии – вигами и тори. Виги были врагами папизма и автократии, а значит, предпринимали попытки ограничить королевскую власть; тори стояли на защите монархии от натиска тех, кого считали республиканцами, или мятежниками. Однако с приходом к власти Вильгельма III все сильно изменилось.

Из «бессмертной семерки», призвавшей Вильгельма высадить войска в Англии и сместить Якова¹⁰, пятеро были вигами, а двое – тори. Вскоре виги решили, что у них есть преимущество перед оппонентами. В первые месяцы правления Вильгельма они потребовали отмены за унижения, которым они подвергались в годы правления предыдущего короля; кроме того, они были твердо намерены влиять на решения Вильгельма. Однако новый король прекрасно понимал, что не может править при поддержке лишь одной партии; необходимо было обеспечить равенство и равновесие во внутренних делах государства, не выказывая при этом предпочтения ни вигам, ни тори, а править, опираясь на оба политических крыла. Вильгельм мечтал о создании так называемой придворной партии, которая бы объединила представителей разных политических сил.

Вигов это не интересовало. Они приходили в неистовую ярость от тех парламентариев из партии тори, которые высказывались о своей верности двору Якова II. Некоторых представителей аристократии обвинили в измене за совершенный ими переход в лоно католической церкви. Мэры и олдермены¹¹ малых и крупных городов, предоставившие свои уставные грамоты свергнутому королю, были лишены права занимать какую-либо должность в течение ближайших семи лет. Предлагали даже задним числом ввести закон против папизма и неконформизма и распространить его действие на всю партию тори. Однако Вильгельм пожелал даровать им амнистию, издав закон о помиловании и забвении, относившийся ко всем, кто участвовал в самовольных или незаконных действиях в годы правления предыдущего монарха. Летом 1689 года Акт о свободе, всеобщем помиловании, искуплении и забвении (Indemnity Bill) был представлен в палате общин, однако не прошел дальше второго чтения и так и остался на обсуждении палаты. На деле законопроект был похоронен.

Любые инициативы, касавшиеся Вильгельма, в парламенте с треском проваливались. В его пользу не было принято ни одного закона. Ему было отказано в доступе к «легким деньгам» – средствам от сбора налогов, которые он так желал получить. Введение нового сбора усилило всеобщее враждебное отношение к нему. Между тем он предложил отправиться в Ирландию с целью подчинить себе местных католиков и оставшихся последователей Якова II, представлявших серьезную угрозу безопасности Англии. Однако виги воспротивились идее морского похода. Они боялись за здоровье государя в стране дождя и тумана. Им претила сама мысль о том, что огромная армия новобранцев и наемников, многие из которых были выходцами из Северной Европы, будет топтать британские земли. Впрочем, прежде чем они успели предпринять сколь-нибудь решительные действия, Вильгельм распустил парламент и назначил новые выборы.

В марте 1690 года во время предвыборной кампании в стране кипели нешуточные страсти. «Никогда еще, – писала Диана Пэджет своему родственнику лорду Пэджету, – между

¹⁰ 30 июня 1688 г. группа дворян («бессмертная семерка») во главе с Джоном Черчиллем направила письмо, в котором призвала принца Вильгельма Оранского и его армию в Англию, чтобы занять английский престол и защитить протестантскую веру.

¹¹ Олдермен (или альдерман) – член муниципального совета или муниципального собрания в Англии. Исторически этот титул носили члены аристократии, главы местного собрания или органа управления.

вигами и тори не было такой вражды и разобщенности, как теперь». Борьба, по словам Томаса Маколея¹², шла не на жизнь, а на смерть. Проповеди, памфлеты и уличные баллады еще больше накаляли обстановку; впервые накануне выборов в парламент были опубликованы списки избирательных округов, чтобы проинформировать избирателей о противоборствующих сторонах. В результате, набрав большинство голосов, победу одержали тори при поддержке представителей англиканской церкви. Воспользовавшись благоприятной обстановкой и сговорчивостью парламента, Вильгельм ответил любезностью на любезность, издав Акт о помиловании (Act of Grace), даровавший амнистию всем сторонникам Якова II за все совершенные ими правонарушения; в мае для одобрения законопроекта потребовалось лишь одно формальное слушание в обеих палатах. Через месяц Вильгельм с армией отплыл в Ирландию.

Доводы против похода в Ирландию очень напоминали те, что выдвигались против войны с Францией. В обеих странах было немало сторонников восстановления монархии Стюартов. Весной 1689 года Яков II высадился в Кинсейле на юго-западном побережье Ирландии с корпусом французских войск. Парламент Дублина объявил его законным королем и издал закон о лишении гражданских и имущественных прав за государственную измену, направленный против его мятежных врагов. И вот в июне 1690 года Вильгельм во главе более многочисленной армии и артиллерии приготовился нанести ответный удар. Английские полки из Чешира, Камберленда и других областей страны были усилены немецкими и скандинавскими наемниками.

Положение дел в Ирландии было крайне тревожным. Вильгельм отправил туда армию под командованием герцога Фридриха Шомберга с целью подчинить себе враждебно настроенное население и его предводителей. Однако герцог предпочел остаться в оборонительной позиции и не начинать военных действий, ссылаясь на необученность своих войск и численное преимущество сил Якова II. Вильгельм был вынужден взять командование войсками на себя. С 16 000 солдат он отплыл из Честера. Через Ирландское море они переправлялись на 280 судах.

Когда Вильгельм высадился в Каррикфергусе на северо-восточном побережье Ирландии, он объединил силы с Шомбергом и двинулся на юг в сторону Дублина. Подойдя к Дроэде (Дрохеде), портовому городу в 35 милях (56 км) к северу от ирландской столицы, он узнал, что вражеская армия находилась неподалеку – на южном берегу реки Бойн. Силы якобитов, представленные в основном ирландскими католиками, стояли на первой линии обороны Дублина. Вильгельм опасался, что успеху его ирландской кампании помешает капризная погода влажной осени и морозной зимы, однако неожиданно ему выпал шанс одержать решительную победу. По некоторым сведениям, Вильгельм, обводя взглядом ирландские войска, сказал: «Рад видеть вас, джентльмены. Если вам удастся сбежать, это будет исключительно моя вина».

Накануне битвы, 30 июня, Вильгельм попал в поле зрения конной артиллерии Якова II. Развернув пушки, те выпустили в него пару ядер, второе ядро задело ему плечо. Он на мгновение пригнулся к шее лошади, и якобиты издали возглас ликования. Однако король тут же выпрямился. «Все в порядке, – сказал он, – выстрел был метким, но недостаточно». Рану перевязали, и Вильгельм продолжил готовиться к предстоящей битве.

Требовалось как можно скорее форсировать переправу через Бойн. Вильгельм возглавил кавалерию, которая наступала с левого фланга, а маршалу Шомбергу поручил командование пехотой. Паролем служило слово «Вестминстер». У каждого солдата протестантской армии на головном уборе красовалась зеленая ветвь, а ирландские якобиты в качестве отличительных знаков носили белые бумажные кокарды. Шомбергу оказалось непросто перейти реку. Кавалерия Якова вновь и вновь отбрасывала его назад. Тем не менее маршал держался стойко, перегруппировывал войска, не позволяя сломить сопротивление, и в конце концов якобиты получили приказ отступить. Сам Яков наблюдал за сражением издалека и под занавес бесславного

¹² Маколей Томас Бабингтон – британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик Викторианской эпохи, автор труда об истории Англии от «Славной революции» 1688 г. до смерти Георга III под названием «История Англии».

финала отправился в рыбацкий поселок Дунканнон, откуда отплыл во Францию. В Ирландию он больше не вернулся, упустив последний шанс вернуть себе трон. Ирландцы, фактически брошенные на произвол судьбы, прозвали бывшего короля Яков-говнюк (ирл. *Seamus a'chaca*).

Битва на реке Бойн стала решающим сражением в войне двух королей и фактически положила конец попыткам установления католического господства в Ирландии. Лимерикский договор (Treaty of Limerick), заключенный в 1691 году, обещал ирландской армии якобитов и католическому населению великодушные условия. Однако ирландские протестанты отнюдь не торопились потворствовать религиозному врагу, и Дублинский (протестантский) парламент сформулировал собственные условия для прекращения англо-ирландской войны, которые получили название «законы против папистов и нонконформистов». Все сражавшиеся за Якова II лишались имущества. Землевладельцы-католики теряли право передавать свое имение по наследству. Католикам запрещалось занимать государственные посты, носить оружие и открыто исповедовать свою религию. Они лишались прав вести юридическую практику и нести воинскую повинность. Сложившееся положение дел стали называть «протестантское господство», однако среди ирландских католиков появилось другое название – «большой раскол» (ирл. *long briseadh*).

Несмотря на триумф англичан в Ирландии, их противостояние Франции в войне Аугсбургской лиги было куда менее успешным. Начало войны ознаменовалось страшной катастрофой, когда летом 1690 года объединенный флот голландцев и англичан потерпел поражение в сражении с французами у мыса Бичи-Хед, потеряв 11 судов. Эти новости спровоцировали панику в Лондоне и других городах, поскольку теперь полномасштабное вторжение врага на британские земли казалось не только возможным, но и неизбежным. Было создано местное ополчение: на побережье Девоншира собрались отряды, вооруженные мечами и вилами, готовые дать отпор любому французу. Серебристая гладь моря, служившая Англии как «крепостной ров замку», теперь была в руках давнего неприятеля. Что, если его флот направится вверх по Темзе?

Но французского вторжения так и не произошло, или, во всяком случае, оно не было столь масштабным. Тысяча французов высадилась в Тинмуте, где они разграбили и сожгли рыбацкую деревню, после чего сразу же вернулись на корабли и отплыли. Это было показательное выступление, дающее, впрочем, представление об излюбленной французской тактике захвата. Лорд-адмирал флота Артура Герберта, 1-го графа Торрингтона, арестовали и отправили в Тауэр за неисполнение должностных обязанностей. Позднее военный суд его оправдал, однако при дворе Вильгельма его отвергли. Герберт потерял должность первого лорда Адмиралтейства и был вынужден оставить службу.

В начале сентября 1690 года Вильгельм отправился через Ирландское море в Бристоль, предварительно отдав приказ Джону Черчиллю, графу Мальборо, разделить командование в рамках ирландской кампании с двумя иностранными генералами. Король пустился в неторопливое плавание – поистине триумфальное шествие – в Кенсингтонский дворец. В следующем месяце парламент принял решение выделить ему четыре миллиона фунтов на армию и флот в рамках продолжавшегося конфликта с Францией. Предполагалось, что средства удастся выручить за счет введения нового земельного налога и удвоения таможенных сборов и акцизов – такое увеличение государственной казны ознаменовало появление так называемой финансовой или фискальной политики государства. Это был жест, совершенный в равной степени от страха и из благодарности: членов парламента все еще тревожила перспектива французского вторжения.

А король уже был на пути в Гаагу для участия в конгрессе, в ходе которого ему предстояло объединить союзников и сформировать общую военную стратегию. Разумеется, все они, за исключением голландцев, преследовали собственные интересы и не желали воевать. Так, Дания и Швеция полагали, что из-за удаленности от театра военных действий им следует дер-

жаться в стороне. Вильгельм заподозрил их в подготовке мирного договора с Францией, что фактически означало бы поражение. Курфюрст Бранденбурга не желал приходить на помощь Испанским Нидерландам. Курфюрст Саксонии отозвал свои войска с зимних квартир, условия в которых он считал неудовлетворительными. Императора Священной Римской империи Леопольда I куда больше занимала Османская империя, чем Франция. Однако сильной стороной Вильгельма была дипломатия: подкупам, обещаниями или уговорами, но он добился сохранения коалиции.

Ресурсы коалиции пришлось как нельзя кстати в апреле 1691 года, когда Людовику XIV сдался город Монс на юге Нидерландов, недалеко от границы с Францией. Ликование по поводу неудач Вильгельма охватило не только Версальский дворец: лондонские якобиты праздновали поражение протестантов в тавернах и харчевнях, где они были частыми гостями. У Вильгельма был и другой, тайный враг. 1-й граф Мальборо был недоволен своей должностью; на его счету была значимая победа в Ирландии, когда он в ходе пятинедельной кампании взял Корк и Кинсейл, перекрыв тем самым морское сообщение с Францией. Его возмущало, что, несмотря на его заслуги, король предпочел ему иностранных военачальников и что герцоги и графы различных европейских княжеств могли похвастаться превосходством над ним.

Мальборо обладал всеми чертами современного патриота: миловидный, умный и находчивый, граф был еще и выдающимся полководцем, а также политиком с большим даром убеждения. Он проявил эти ценные качества еще двадцать лет назад, во время службы у герцога Йоркского, и с тех пор неизменно был в чести у властей. Мальборо оставил своего первого покровителя, который впоследствии вззошел на трон под именем Яков II и во время вторжения французов перешел на сторону Вильгельма по соображениям протестантского благочестия. Однако было ясно, что граф Мальборо вновь легко поменяет свои убеждения, если того потребуют обстоятельства. Он был готов поддерживать что угодно и кого угодно в обмен на власть, деньги или новые почести, оставаясь при этом тактичным, скромным и любезным.

Вскоре после возвращения Мальборо из Ирландии он, по всей видимости, организовал или поддержал заговор, ставивший целью вернуть Якова II на трон. Он полагал, что за ним – вся английская армия. Имеются свидетельства, что Якова, жившего в изгнании в парижском предместье Сен-Жермен-ан-Ле, посещали и другие представители английской знати в надежде обеспечить себе политическое покровительство в будущем, каким бы оно ни было. Однако заговор Мальборо был раскрыт, и в начале 1692 года его сместили с занимаемых должностей и отстранили от двора. Затем в мае его арестовали по обвинению в государственной измене и заключили в Тауэр. По ложному обвинению его уличили в сговоре с целью убийства Вильгельма. Это дело получило название «заговор цветочного горшка», поскольку вскрылся некий поддельный документ, якобы подписанный Мальборо, который был спрятан под цветочным горшком в доме епископа Рочестерского.

Спустя шесть недель Мальборо был оправдан, освобожден, и, частично реабилитировавшись, вернулся ко двору. Казалось, Вильгельм решил проявить великодушие в отношении представителей знати, по-прежнему баловавшихся интригами, в которые их вовлекали представители династии Стюартов. Вильгельм был невысокого мнения о природе человека.

Основной заботой короля в то время была война в континентальной Европе. В рамках этого противостояния Вильгельм не мог похвастаться ни громкими победами, ни сокрушительными поражениями. Однако в мае 1692 года французский флот из 44 судов появился у берегов северо-запада Франции в окрестностях Барфлера и Сен-Ва-ла-Уга, намереваясь восстановить Якова II на английском престоле. После тяжелейшего противостояния французские войска обратились в бегство. В ходе преследования английский и голландский флоты сумели уничтожить 15 вражеских судов. Угроза французского нападения была устранена.

Теперь голландцы и англичане стали владыками морей, а французам ничего не оставалось, кроме как разрабатывать сухопутную стратегию. Летом того же года французская армия

одержала победу у Стенкерка на юге Нидерландов, когда в ходе жесточайшей битвы они наголову разбили пять английских полков. Не составляет труда перечислить на бумаге эти события в хронологическом порядке, однако, чтобы описать правдивую картину той кровавой бойни и выжечь эти события в памяти потомков, потребовалось бы огненное перо. В «Путешествии в страну гуингнмов» (1723) – четвертой части «Путешествий Гулливера» – Джонатан Свифт так описывает военные события того времени: «Двадцать тысяч убитых с обеих сторон; предсмертные стоны, отрубленные конечности, то и дело мелькавшие в воздухе; дым, шум, неразбериха, насмерть затоптанные лошадыми; побег, погоня, победа; поля, усыпанные трупами, брошенными на съедение собакам, волкам и хищным птицам; грабежи, разбои, насилие, поджоги и опустошение». Вскоре земля вновь обагрилась кровью. Спустя годы Томас Маколей в «Истории Англии» (History of England; 1848) писал, что «следующим летом, после битвы при Стенкерке земля, удобренная кровью двадцати тысяч убитых, расцвела миллионами красных маков».

Война потеряла популярность, если когда-то ее и имела. Теперь это была просто «война Вильгельма». Вернувшись в Англию после весенней и летней кампании на континенте, он обнаружил, что страну охватили волнения и протесты. Он попеременно искал поддержки то у вигов, то у тори в попытке создать пресловутую «придворную партию», которая бы занялась решением конфликта, однако со временем начал выказывать явное расположение вигам, очевидно полагая, что тори доверия не заслуживали. Он оказался прав. Тори составили костяк так называемой партии патриотов, которая выступала против двора и действующего правительства. Члены этой партии демонстрировали недоверие правительству, с подозрением относились к регулярной армии и тем членам парламента, которые зависели от милостей двора.

В те времена четких границ между политическими партиями не существовало. Для отдельно взятого человека имелось большое количество возможностей для перехода из одной партии в другую. Тори в целом одобряли королевские привилегии, которыми теперь неограниченно пользовался Вильгельм III, однако среди них было и много якобитов, которые по-прежнему надеялись на возвращение Якова II. Виги поддерживали Вильгельма, однако в теории желали ограничить королевскую власть. Где же была золотая середина? Король предпочитал смешанный состав правительства, члены которого формировали широкий политический спектр, однако на деле он все больше благоволил вигам, поскольку они поддерживали продолжавшуюся войну с Францией. Они были намного тверже в своем неприятии католицизма и деспотического произвола, царившего, по их мнению, при дворе Людовика XIV. Контакты с финансистами из Сити также давали вигам возможность привлекать средства на ведение войны и сулили дополнительную прибыль и проценты. Многие члены этой партии были друзьями Вильгельма. Во главе стояла группа из пяти пэров, которых к 1695 году стали называть «Хунта» (исп. *Junta*), то есть совет.

Свергнутый король, двор которого разместился в замке Сен-Жермен, по-прежнему строил планы на возвращение; он с радостью встречал каждую оплошность Вильгельма и находил себе сторонников и шпионов везде, где только мог. Якобиты даже придумали секретный пароль, который позволял им без труда узнавать друг друга: «Устроим заварушку, и отец вернется домой» (Box it about: it will come to my father). Эти слова казались полной бессмыслицей, но на деле имели важный подтекст. Подразумевалось, что для возвращения Якова на трон в стране нужно было посеять хаос. Кроме того, приверженцы изгнанника стали характерно прихрамывать, заходя в таверны. Хромота (англ. *limp*) служила аллюзией на четыре имени. В сущности, английское слово было составлено из первых букв этих имен: Людовик (Louis), Яков (James), Мария Моденская (Mary of Modena) и молодой принц (Prince). Весной 1693 года Яков опубликовал декларацию, в которой объявил амнистию всем, кто не будет чинить сопротивление его возвращению, и пообещал пойти на значительные политические уступки, дабы утвердить парламентскую форму правления.

Положение Анны – младшей дочери Якова – было крайне затруднительным. Ситуация усугубилась в 1694 году после смерти ее сестры Марии II. В результате Анна, ярая протестантка, осталась единственной прямой наследницей Стюартов. Отмечалось, что у нее было больше шансов взойти на престол, чем у ее зятя Вильгельма, который теперь делал шаги к примирению с ней. В предыдущие годы Вильгельм и Мария игнорировали Анну или всячески пренебрегали ею, временно отстранив от двора. В свою очередь, Анна при поддержке жены графа Мальборо, влиятельной Сары Черчилль, подняла короля на смех. В переписке они называли государя «господин Калибан»¹³ или «голландский недоносок».

Анну не без причин подозревали в поддержке якобитов: она по-прежнему разделяла принципы и притязания своего отца. Полагали, что после смерти зятя она пригласит Якова вернуться на трон. Однако это было маловероятно; она ничуть не сочувствовала католикам и помнила, сколько вреда Яков причинил государству и правящему классу, настаивая на эмансипации католиков, то есть предоставлении им больших прав и свобод. Вероятнее всего, Анна сама намеревалась взять в руки скипетр и державу, чтобы раз и навсегда установить мир и порядок, обеспечив стабильность идеалов англиканской церкви, которым сама она была искренне предана.

У Вильгельма на повестке были иные, куда более срочные и не терпящие отлагательств вопросы. На шестом году войны он вновь столкнулся с острой нехваткой средств и опять обратился за помощью к вигам. Один из молодых членов «Хунты» по имени Чарльз Монтегю обладал необходимыми навыками, чтобы помочь государю в этом непростом деле. Именно ему, более чем кому бы то ни было, Англия обязана коренным преобразованием финансовой системы страны.

¹³ Калибан – грубое, злобное существо (по имени персонажа «Бури» У. Шекспира). – *Прим. науч. ред.*

2

«Быки» или «медведи»?

Где изыскать средства на дорогостоящую континентальную войну против Людовика, не разорив при этом собственную страну? Ответ на этот вопрос нашел один из лордов Казначейства по имени Чарльз Монтегю – молодой человек чуть за тридцать. Он решил довести до конца предложенный еще три года назад, но так и нереализованный проект. Подразумевалось учреждение центрального банка – Банка Англии, который мог бы ссуживать государству деньги при условии, что выплаты годовых процентов гарантирует парламент из средств, полученных от введения новых акцизов на пиво и другие алкогольные напитки. Таким образом, учредители банка получали гарантии погашения ссуды, даже если для этого правительству пришлось бы собирать средства путем введения новых налогов. Так возник финансовый инструмент, который впоследствии получил название «государственный долг».

В 1694 году Монтегю провел через парламент законопроект о создании Банка Англии, рассчитывая стать новым канцлером Казначейства¹⁴. Он даже предоставил залог в виде внушительной суммы две тысячи фунтов в качестве собственного взноса в банк. Уставный капитал сформировали довольно быстро. Поступило предложение собрать 1,2 миллиона фунтов с состоятельных учредителей под 8 % годовых. Благодаря таким щедрым условиям необходимое количество пайщиков набралось в течение десяти дней. Среди инвесторов, наряду с купцами, финансистами и предпринимателями, были и король с королевой. Банк называли детищем партии вигов, поскольку именно с ней ассоциировался весь лондонский Сити. Тори, представлявшие интересы землевладельцев, считали эту затею не более чем прикрытием для продолжения войны. Разумеется, нельзя отрицать, что создание банка повлияло на расстановку и военных, и политических сил. Во Франции отсутствовала подобная схема финансирования военной кампании, что давало Англии некоторое преимущество в экономическом отношении.

Создание банка ознаменовало начало финансовой революции и заложило основы устойчивости исполнительной ветви власти, хотя и не гарантировало компетентность правительства. Теперь именно парламент отвечал за государственные финансы; он собирал налоги для выплаты процентов по крупным займам. В течение последующих двух десятилетий члены парламента регулярно утверждали годовой бюджет. В конце XVII – начале XVIII века появился ряд менее крупных банков – частных лондонских и провинциальных банков, специализировавшихся на краткосрочном кредитовании и осуществлении денежных переводов. Благодаря связям с органами государственной власти и деловыми кругами такие банки существенно облегчили движение денежных потоков и торговлю.

Сити был финансовой колыбелью и центром кредитования еще во времена римского завоевания, однако стремительный рост предпринимательской деятельности в последние годы XVII века показал, что теперь мир финансов принципиально изменился. В 1694 году член Королевского общества Джон Хафтон писал, что «с начала войны с Францией появилось огромное количество акций». По его словам, «большинство состоятельных людей хотели, чтобы деньги работали», при этом основную прибыль они стремились получать не с «земель, домов или товаров», а из совершенно иных источников. Вскоре известность получили новые способы обогащения, такие как спекулятивные биржевые сделки; заработать можно было даже на покупке и продаже акций Банка Англии. В 1724 году Даниель Дефо писал о «торговле, которая однажды околдовала всю страну, чуть было не разорив ее».

¹⁴ Канцлер Казначейства (англ. *Chancellor of the Exchequer*) – член кабинета министров Великобритании, ответственный за экономические и финансовые вопросы. Эта должность в целом соответствует должности министра финансов в других странах.

Биржевая аллея неподалеку от Королевской биржи (Royal Exchange)¹⁵ стала центром таких операций. Брокеры, совершавшие сделки с государственными бумагами и акциями частных компаний, выбрали в качестве места встреч две кофейни – «У Джонатана» (Jonathan's) и «У Гэррауэя» (Garraway's). Реклама кофейни «У Джонатана» 1695 года гласила, что любой желающий мог «приобрести и продать там все виды паев и акций». Брокер Джон Кастинг издавал бюллетень с котировками акций и биржевыми курсами, а также с описанием состояния деловой активности в Генуе, Дублине, Роттердаме и других городах. В кофейнях традиционно принимались ставки – как по вопросам государственной важности, так и по частным пари. Сколько дашь, если я не буду пить вина, эля или бренди до Михайлова дня 1696 года? Каковы шансы, что войну против Франции объявят до Рождества? На известной гравюре тех лет изображены джентльмены в париках и треуголках, беседующие в просторной комнате; они одеты в строгие камзолы. Это вкладчики или их представители в правительственных сделках или на промышленных предприятиях, ибо уже тогда формировались акционерные капиталы крупнейших компаний. На стене за джентльменами изображены бык и медведь, а также хромая утка. Бык олицетворял финансового оптимиста, а медведь – напротив, пессимиста; нет никаких сомнений в том, что среди изображенных на гравюре были представители обеих групп¹⁶.

Их разговор воспроизведен в пьесе «Смелый ход для жены» (A Bold Stroke for a Wife; 1717) Сюзанны Сентливр. Действие происходит как раз в кофейне «У Джонатана»:

Первый брокер. Кто участвует в лотерее гражданского листа? Или торгах какао [кофейных бобов]? Черт возьми, где сегодня все жида? Кто ты сегодня, Авраам: бык или медведь?

Второй брокер. Бык, клянусь честью, – но у меня припасен недурной козырь на будущую неделю.

Официант (*громко*). Свежий кофе, джентльмены, свежий кофе! (Или: «Байховый чай!»)

Эта практика была совершенно новой и для многих рискованной. Мысль о зарабатывании денег «из воздуха» по принципу рантье особенно не нравилась тори. Они полагали, что богатство Англии – в ее землях, а не финансовых махинациях, и утверждали, что никто лучше землевладельцев не мог судить о сильных сторонах страны. Однако непререкаемым авторитетом в Лондоне пользовались и богачи, служившие надежной опорой для виггов. К богачам в те времена относились купцы, финансисты, чиновники и представители свободных профессий, среди которых встречалось немало диссентеров и нонконформистов. Существовало простое правило: инакомыслие шло об руку с деньгами, а англиканство – с земельными угодьями. Пока продолжалась война и правительство отчаянно нуждалось в финансировании, нуворишам был гарантирован немалый доход от учреждений государственного кредитования. Землевладельцы, напротив, переживали тяжелые времена, со дня на день ожидая обвала рынка. В памфлете «Поведение союзников» (The Conduct of the Allies) 1711 года Джонатан Свифт возобновил нападки на виггов, заявив, что война продолжается лишь для того, чтобы «обогащать ростовщиков и спекулянтов, претворить в жизнь пагубные замыслы партии и истребить землевладельцев».

¹⁵ Королевская биржа – первая товарная биржа в Англии, возникшая в лондонском Сити в 1560–1570 гг. как площадка для торговли овечьей шерстью. С 1695 г. там проводились сделки с государственными и корпоративными ценными бумагами. Однако вскоре правительство решило ограничить количество торговцев на бирже и ввести значительные штрафы для тех, кто работал без лицензии. Лишившись доступа на Королевскую биржу, брокеры перебрались на Биржевую аллею, где за столиками кофейен заключались первые договоры на поставку соли, пороха и т. д.

¹⁶ «Быки» и «медведи» – общепринятые названия участников фондового рынка, которые играют на повышение или понижение курсов валют или ценных бумаг, то есть представляют собой биржевых «бойцов», которые придерживаются разных торговых стратегий. Считается, что бык и медведь символизируют движение фондовых рынков сообразно манере нападения этих животных. Так, например, бык поднимает жертву на рога – и это символизирует подъем рыночных цен. Медведь же, напротив, валит врага на землю лапой – и цены, соответственно, падают.

Между вигами и тори возникли очередные разногласия, которые, хотя и имели политическую подоплеку, могли отразиться прежде всего на экономической жизни страны. Некоторые тори поддерживали возвращение к власти свергнутого короля Якова II или его сына; однако, вернувшись на трон, Стюарты могли отказаться от уплаты долга, принадлежавшего Вильгельму III и вигам. Это грозило бы стране финансовым хаосом и разорением богатых инвесторов. А этого никак нельзя было допустить.

Разумеется, опасения обеих сторон ничем не подкреплялись. Вскоре, абстрагировавшись от агонии войны, они осознали общность интересов владельцев капитала и недвижимости. Осенью 1711 года Джозеф Аддисон писал в журнале *Spectator*: «Торговца кормит земля, землевладельца одевает торговля»¹⁷. Вскоре и землевладельцы, и представители финансовых кругов стали разделять идеалы «джентльменства» и «благородного общества», которые определяли общественные нормы в течение следующих 150 лет; наличие аристократической элиты, стать частью которой, казалось, так легко, удивительным образом приковывало внимание тех, кто так стремился туда попасть.

Финансовую стабильность дополнительно усилила новая мера, введенная Чарльзом Монтегю. В течение года после открытия Банка Англии он решил восстановить реальную стоимость серебряного шиллинга, ведь к тому времени его ценность серьезно упала из-за распространившейся практики обрезывания монет или их подделки. Около 95 % монет были фальшивыми или неполновесными. Никогда еще серебряная монета не стоила так дешево.

Монтегю обратился за помощью к Исааку Ньютону. Они оба некогда учились в Тринити-колледже в Кембридже. Ньютон прогремел на весь мир, сформулировав закон всемирного тяготения в книге «Математические начала натуральной философии». Весной 1696 года Монтегю назначил своего прославленного однокашника смотрителем Монетного двора в районе Тауэр-Хилл. Одной из причин, по которой Монтегю решил привлечь выдающегося ученого к этой работе, стала написанная Ньютоном годом ранее лаконичная статья под названием «Об улучшении английской монеты» (*On the Amendment of English Coins*). Сочетая качества выдающегося теоретика и упорного экспериментатора, новый смотритель Монетного двора мог принести двойную пользу.

Обстоятельства требовали перечеканки всех серебряных монет, а старые монеты с примесями других металлов следовало полностью изъять из оборота. Инициатива исходила от Монтегю, однако организация процесса и контроль над ним легли на плечи Ньютона. В целом все прошло успешно, и уже спустя несколько месяцев после назначения Ньютона смотрителем Монетного двора еженедельно чеканили порядка 150 000 фунтов серебряными монетами. Денежному стандарту страны больше ничто не угрожало. Столпы государства остались нерушимы.

Уклад нового государства, сформировавшегося в результате «Славной революции» 1688 года, был вполне ясен. Разумеется, главой страны по-прежнему оставался монарх. Вильгельм III взошел на трон волею «Божественного провидения и по праву помазанника Божия», что, впрочем, могло быть истолковано по-разному. Эта двусмысленная формулировка обозначала двусмысленность ситуации. Вильгельм стал королем по праву завоевания или с согласия парламента? И какого соблюдения прав «помазанника Божия» он мог требовать? Он никогда не пытался излечивать золотушных, являя миру «королевское чудо»¹⁸, хотя его преемница Анна впоследствии не гнушалась этим способом демонстрации своего якобы сверхъестественного могущества.

¹⁷ Цит. в пер. Н. Трауберг по: Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII в. М.: Прогресс, 1987.

¹⁸ В средневековых трактатах золотуху называли «королевской напастью» или «королевской болезнью» (англ. *King's Evil* или *Queen's Evil*). Считалось, что излечить ее можно было лишь с помощью королевского волшебства. В ходе обряда исцеления король дотрагивался до ран и язв больного и осенял их крестным знаменем, после чего золотушному вручалась милостыня. Полагали, что, как помазанники Божьи, монархи обладали даром исцелять эту болезнь.

Авторитет короля, несколько неопределенный или, во всяком случае, не оформленный, опирался на класс аристократов, которые заправляли новым государством с самого момента его образования. Высшие слои аристократии насчитывали около двухсот представителей, среди которых значились герцоги, графы и другие лорды; все они являлись членами немногочисленной, но сплоченной землевладельческой элиты. Богатство было основным, но не всегда единственным требованием для входа в этот круг избранных. Родословная оставалась не менее, а порой и более важным условием. Большую роль играло наличие права поземельной собственности, в которое входило исключительное право на охоту. Энергичные и честолюбивые представители высшего мелкопоместного дворянства охотно становились частью такой элиты, не имея ни малейшего желания противостоять ей, ибо аристократический культурный код наряду с идеализацией избранного класса красной нитью проходил сквозь социальную и политическую жизнь грядущего столетия. Ключом к успеху были не крутые перемены, а принцип преемственности, которая определялась привычными моделями восприятия и традиционными видами деятельности – столь же понятными, сколь и непререкаемыми.

Этот принцип является не отжившим представлением о «старой Англии», а живой иллюстрацией действительной политики и власти. О возможностях приобрести «входной билет» в высшие круги для людей с состоянием и даже нуворишей было написано немало, однако дело обстояло куда сложнее. Вплоть до начала правления Георга III (1760–1820) действовало неизменное правило: торговец не мог стать пэром.

Лорды являли собой мощную силу в том числе и в палате общин. Пока глава аристократического клана заседал в верхней палате, его родственники и иждивенцы – в нижней. Уильям Питт Старший даже назвал палату общин «компанией младших братьев». Кроме того, представители разных семей заключали брачные союзы, таким образом усиливая могущество аристократического меньшинства. В результате в стране насчитывалось более 15 000 представителей низших слоев джентри, не имевших благородного происхождения, но освобожденных от необходимости самостоятельно возделывать землю¹⁹.

Для большинства представителей мелкопоместного дворянства основной церковью была государственная, то есть англиканская, к которой они принадлежали по праву рождения. Все остальные, разумеется, считались диссентерами, немногие были атеистами, однако основная масса исправно ходила по проторенной тропе в деревенскую или городскую церковь. В начале XVIII века англиканское духовенство было полностью подчинено административному аппарату. Архиепископ Кентерберийский имел официальное место в Тайном совете, а епископы составляли неотъемлемую часть палаты лордов. Когда однажды епископ Хэр слегка пригрозил вигскому вельможе лорду Картерету возможным отказом поддержать его во время голосования, тот ответил: «Если уж мне понадобится ваш голос, то я придумаю, как его получить». Сами епископы нередко были благородного происхождения, поэтому их не мог не радовать тот факт, что после смерти Кромвеля вельможи получили возможность вернуться в свои дворцы. Служение церкви считалось одной из трех важнейших профессий наряду с юриспруденцией и зарождавшейся наукой или искусством врачевания, и потому духовенство являлось неотъемлемой частью социальной иерархии.

Ортодоксальное англиканство – нечто иное даже трудно себе представить – было в основе своей религией ответственности и долга. Главную роль в нем играл здравый смысл, а не догматизм. Руководящим принципом была нравственность, а не Христос Спаситель. Богослужения и каноны во многом оставались неизменными со времени их возникновения в середине XVI века. Дополняли картину привычка и безразличие. Когда пастор и землевладелец живут

¹⁹ Одной из причин данного явления выступал майорат – передача земельной собственности и титула исключительно старшему сыну. В России попытка ввести единонаследие указом Петра I 1714 г. фактически провалилась: в 1731 г. Анна Иоанновна официально отменила данный акт. – *Прим. науч. ред.*

в мире и согласии, религиозная и светская стороны жизни являются отражением друг друга. Пожалуй, в этом случае мы можем согласиться с истинным врагом всех англичан – Наполеоном Бонапартом, который однажды заметил: «В религии, на мой взгляд, заключена отнюдь не загадка вочеловечения Иисуса Христа, а загадка общественного порядка. Идея равенства дана самим небом, ибо она спасает богатых от расправы, которую неминуемо учинили бы над ними бедные». Если это высказывание кажется слишком циничным, мы можем обратиться к исконно английскому бытописателю Уильяму Хогарту, который в гравюре «Спящий приход» (The Sleeping Congregation) показал, как повальная скука и безразличие окутывают сознание общества. На изображении преобладают светские, а отнюдь не божественные образы. Духовность превратилась в снотворное.

У других сословий дел было куда больше. Возможности обогащения, появившиеся в результате финансовой революции, способствовали росту числа и авторитета представителей так называемого среднего сословия, удобно разместившегося между джентри и огромной армией разнорабочих и лавочников. Новый класс включал в себя фермеров-арендаторов и владельцев фабрик, городских торговцев, мелких предпринимателей и духовенство, врачей и юристов. Рост числа специалистов, чей труд теперь оплачивался на регулярной основе, был одной из характерных особенностей начала нового столетия. Эти люди не отличались приверженностью особым правилам поведения, однако главные качества представителей этого разношерстного сословия оставались неизменными: предприимчивость, порядочность, сдержанность и трудолюбие.

Даниель Дефо – ярый сторонник ценностей среднего класса, правда порой сбивавшийся с праведного пути, в первой главе романа «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719) словно напоминает сам себе, что «среднее положение в обществе наиболее благоприятствует расцвету всех добродетелей и всех радостей бытия: мир и довольство – слуги его; умеренность, воздержанность, здоровье, спокойствие духа, общительность, всевозможные приятные развлечения, всевозможные удовольствия – его благословенные спутники. Человек среднего достатка проходит свой жизненный путь тихо и безмятежно, не обременяя себя ни физическим, ни умственным непосильным трудом, не продаваясь в рабство из-за куска хлеба, не мучаясь поисками выхода из запутанных положений, которые лишают тело сна, а душу – покоя, не страдая от зависти, не сгорая втайне огнем честолюбия»²⁰.

Благосостояние граждан неизменно росло по мере укрепления экономики. В начале XVIII века каждого седьмого можно было причислить к среднему классу; спустя сто лет это был уже каждый четвертый или пятый. Впрочем, некоторые из них с беспокойством осознавали свой промежуточный статус и пытались как можно дальше отойти от рубежа нищеты, подражая манерам и образу жизни высших сословий. Нужно было во что бы то ни стало держать лицо; следовало не только быть кредитоспособным, но и производить соответствующее впечатление, чтобы не оказаться на дне общества. Конечная цель состояла в том, чтобы за одно или два поколения пополнить ряды знати.

Среди представителей среднего класса было немало сторонников англиканской церкви, однако в пропорциональном отношении преобладали диссентеры или неконформисты. Ведь именно в основе их религии лежали тяжелый труд, предприимчивость, честолюбие и упорство. Государство уже отчасти смирилось с религиозным сектантством. Пресвитериане, конгрегационалисты и арминиане, например, были частично признаны в результате принятия Акта о веротерпимости 1689 года (Toleration Act), хотя им по-прежнему запрещалось занимать государственные должности. Их церкви и молельни составляли часть городского и сельского пейзажа. Квакеры, некогда участвовавшие в шествиях обнаженными «в знак следования» заветам двадцатой главы Книги пророка Исаии, действительно вели себя, по словам коллекционера

²⁰ Перевод М. А. Шишмаревой.

Авраама де ла Прима, «скромно и благочестиво». Таков был вектор развития всех радикальных сект. Со временем их адепты становятся куда более спокойными и почтенными; что и говорить, они становятся старше. Однако методистское возрождение, пик которого пришелся на последующие десятилетия, позволило пробудить первобытный огонь в душах фанатичных евангелистов. Такой ревностной борьбы с ортодоксальной закостенелостью Англия не видела с середины XVII века.

Разумеется, многие и вовсе обходились без религии, если не считать пережитков язычества и природной духовности, унаследованных от поколений прошлых веков. В начале XVIII века низшее сословие зачастую определяли как «механическую часть человечества». Они жили разнообразным ручным трудом. Это были в буквальном смысле «руки» страны, которые подавали еду, таскали воду, рубили деревья, шили и пряли. Все они составляли крупнейший класс рабочего населения: от шахтеров до швей манто, от часовщиков до лавочников и от лакеев до поваров. Дефо писал о них: «много работают, но мало хотят», а еще «сельские жители, фермеры и так далее, кому безразличны достижения». Некоторые из тех, кто работал на земле, не могли в полной мере насладиться ее плодами. Если их свиньи давали поросят, а куры – цыплят, их, вероятнее всего, относили на рынок, а не подавали дома к столу. Крестьяне продавали выращенные собственными руками яблоки и груши, а сами питались снятым молоком или молочной сывороткой, в то время как их покупатели лакомились сливками и сыром. Неустанный труд крестьян на благо страны так и остался подвигом безымянного героя.

С появлением новых веяний в исторической науке специалисты по истории общества обратили взор на тех, кто находился в еще более сложных обстоятельствах. По некоторым оценкам, до промышленной революции примерно четверть всего населения жила за чертой бедности. Это были те, кто, по словам Дефо, «много работал». Их также можно назвать «работавшими нищими». Одним из них был Джереми из пьесы Уильяма Конгрива «Любовь за любовь» (*Love for Love*; 1695), который, рассказывая о себе, говорил: «Зимой моя матушка торговала устрицами, а летом – огурцами, а я появился на свет, поднявшись вверх по лестнице, ибо родился в подвале»²¹. С тех пор он неплохо преуспел, став слугой джентльмена. Именно в этом и заключалась ценность этого класса. Его члены могли быть весьма полезными; один факт, что их число было огромно, являлся настоящим благословением для богатых. Нищие пополняли ряды рабочих на фабриках и заводах, скромно выполняли обязанности прислуги на кухне. Считалось, что дисциплина, лишения и тяжелый труд были универсальным лекарством от безделья, даже если, как говорил сэр Уильям Питт, вся их работа заключалась в перетаскивании камней из Стоунхенджа к Тауэр-Хилл.

Те же, кто находился на самом дне социальной пирамиды, были сплошь жалкими, несчастными и никуда не годными отбросами общества. К ним относились попрошайки, бродяги, калеки, умалишенные, а также все многочисленное племя бездомных оборванцев в лохмотьях, которые ютились в дырах в стенах, шахтах, хлевах и на чердаках. В одном из анонимных памфлетов 1701 года под названием «Рассуждения о моральном облике нации» (*Reflexions Upon the Moral State of the Nation*) утверждалось, что эти отверженные «жили скорее как крысы или другие мерзкие твари, нежели как создания рода людского». Беспомощные и неизлечимо больные, они зачастую оказывались брошенными и забытыми. О них вспоминали, лишь когда они участвовали в мятежах, беспутствах или оказывались разносчиками эпидемий. Обитатели улиц вызывали страх и отвращение, и даже самые щедрые порывы реформаторов не могли повлиять на их жизнь. От нищих невозможно было избавиться, исключить их из социальной иерархии, но при этом они оставались неприкасаемыми.

²¹ Ср. пер. Р. В. Померанцевой: «...матушка зимой торговала устрицами, а летом – огурцами, и в мир я вошел по лесенке, ибо родился в подвале».

Смерть королевы Марии в Кенсингтонском дворце в конце 1694 года погрузила Вильгельма в скорбь и траур столь глубокие, сколь и неожиданные. Мария скончалась от оспы во время особенно холодной зимы. Всякий раз, когда ее супруг отправлялся с армией на континент, она замещала его с некоторой неохотой. Она чувствовала себя «лишенной всего, что так дорого в лице мужа, покинутой и одинокой среди совершенно чужих людей»: «Сестра моя так сдержанна и серьезна, что едва ли может меня утешить». В действительности Мария и ее сестра Анна почти не разговаривали друг с другом. Когда Вильгельм был рядом, Мария без раздумий выполняла все его желания, однако она обладала не только покладистым нравом, но и жизнерадостностью и живостью, которые не часто проявлялись у ее супруга. Впрочем, в его отсутствие она демонстрировала решимость и королевское достоинство. По усопшей скорбели повсеместно и, возможно, даже искренне.

После смерти королевы ее сестра Анна оказалась в исключительно трудном положении; теперь она становилась бесспорной наследницей трона, имея на него куда больше прав, чем ныне действующий монарх. После десяти лет пренебрежительного отношения к Анне Вильгельму пришлось научиться проявлять к ней почтение и уважение. Сама Анна полностью полагалась на фрейлину графиню Сару Мальборо, а также на ее мужа, 1-го графа Мальборо. Так строилась карьера при дворе, и вскоре удачливая пара стали герцогом и герцогиней.

Хотя аббатство было задрапировано черной тканью в знак траура по усопшей королеве, парламент действовал, или, правильнее сказать, бездействовал по вопросу, который будет иметь несчетные последствия для будущего государства. Весной 1695 года по недосмотру была пропущена резолюция о «регулировании печати и типографий», что привело к возникновению феномена, получившего название «четвертое сословие» или «четвертая власть». В ретроспективе эта резолюция оказалась судьбоносной, ибо она навсегда освободила английские печатные СМИ от правительственного контроля.

Ранее публика была вынуждена довольствоваться официальной газетой правительства London Gazette. Она была основана в феврале 1665 года и официально издается по сей день, хотя, по словам капитана Блеффа из комедии Уильяма Конгрива «Старый холостяк» (The Old Bachelor; 1693), в газете «поверьте, сэр... за весь прошлый год не сказано и двух слов правды»²². Однако в результате зачинчивания гаек в эпоху доминирования одной партии над другой и напряженной военной обстановки спрос на печатные СМИ заметно вырос.

В течение двух недель после отмены цензуры вышел первый тираж газеты Intelligence, Domestic and Foreign; за ней последовали The English Courant, The Post Man, The Post Boy, The Weekly News-Letter и др. В некоторых из них были предусмотрены пустые графы, куда читатель мог записать свежие новости перед тем, как передать газету знакомым или соседям. Многие статьи сопровождалась такими фразами: «требуется подтверждения», или «вокруг этого события существует много домыслов», или «время прояснит истинный ход событий». Происходившее в мире зачастую казалось крайне неясным и неопределенным.

В годы правления королевы Анны на улицах и в кофейнях Лондона появилось более сорока информационных бюллетеней и газет, многие из которых впоследствии попадали в мелкие и крупные провинциальные города. Чтобы прочитать самые важные из них, потребовался бы целый день. В этой связи мы можем говорить о появлении политически подкованной нации, а также о зарождении журналистики и эссеистики. Могущество прессы вскоре стало очевидным, и в письме Лемюэля Гулливера, которым открываются его «Путешествия», знаменитый, хотя и вымышленный хирург цитирует своего кузена, заметившего, что «власть имущие весьма зорко следят за прессой»²³.

²² Перевод П. В. Мелковой.

²³ Перевод А. А. Франковского.

Первая ежедневная газета *Daily Courant* вышла в среду 11 марта 1702 года. Она представляла собой лист, на одной стороне которого были напечатаны новости из Неаполя, Рима, Вены, Франкфурта и других городов; основная масса статей касалась хода военных действий, а в послесловии издатель пренебрежительно прошелся по «нахальству обычных газет». Одна из статей, написанная характерным сухим языком, открывалась отчетом из Неаполя, где говорилось, что «в прошедшую среду наш новый наместник короля, герцог Эскалона, прибыл сюда с эскадрой галер из Сицилии». Газета продавалась рядом с таверной «Королевский герб» (*King's Arms*) на Флит-бридж и в окрестностях, неподалеку от района, который уже заработал прозвище «Граб-стрит»²⁴.

Все эти газеты поначалу были большей частью коммерческими проектами, хотя некоторые частично спонсировались политиками, мечтавшими сформировать весомое «общественное мнение» по какому-либо вопросу. Газеты и периодические издания зависели в основном от рекламы и тиража, став, таким образом, частью коммерческого мира, который уже тогда обрел форму.

Спустя несколько недель после смерти супруги в 1695 году король в одном из писем писал: «Я более не чувствую сил брать на себя военное командование». Однако в привычной для него манере добавил: «И все же я попытаюсь выполнить свой долг». Долг вынуждал его вернуть Намюр – ключевую крепость в Испанских Нидерландах. Цитадель Намюра контролировала плодородную равнину и две реки – Самбру и Маас и никогда раньше не сдавалась в руки врага. Однако тремя годами ранее французские войска под командованием Людовика XIV осадили город и спустя восемь дней сломили оборону. Для Англии и ее союзников это стало самой большой неудачей в кампании против Франции.

Вильгельм понимал, что, вернув оккупированный французами Намюр, он одержит знаковую победу. В начале июля 1695 года после ряда обманных маневров и нескольких перестрелок он пошел прямо на город: за кровопролитным наступлением последовали сражения, продолжавшиеся два месяца до полной капитуляции противника. Это как раз тот военный конфликт, в котором дядя Тоби из романа «Жизнь и мнения господина Тристрама Шенди» (*The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*) Лоренса Стерна получил ранение в пах; в саду он строил модели оборонительных сооружений цитадели. Возбуждение и ажиотаж, вызванные военной кампанией, взбудоражили население Лондона, которое хлынуло в книжные лавки и кофейни за новостями. Победа короля была одним из важнейших событий в Девятилетней войне; более того, она имела столь большой резонанс, поскольку была одержана не на море. Это была первая крупная победа на суше со времен Битвы в дюнах²⁵ при Оливере Кромвеле в 1658 году. Вернувшись из похода, Вильгельм летом отправился в триумфальное турне, однако в очередной раз проявился его сдержанный и подозрительный нрав. Он избегал проторенных дорог, а в Оксфорде отказался от ужина, испугавшись, что его могут отравить.

²⁴ Граб-стрит (*Grub Street*) – улица в Лондоне, где жили третьесортные писаки и низкопробные журналисты. Отсюда появилось и переносное значение топонима – дешевое издание посредственной литературы.

²⁵ В 1658 г. в Битве в дюнах близ Дюнкерка (порт на севере Франции) испанская армия была разгромлена франко-английской армией. После капитуляции Дюнкерк был передан Оливеру Кромвелю.

3

Идол эпохи

В любом случае торжества по случаю победы длились недолго. Несмотря на очевидный успех в Испанских Нидерландах, война тянулась уже слишком долго и порядком истощила государственную казну. Сама Англия едва ли получила от конфликта какую-либо пользу. В конце 1695 года Яков II, эмигрантский двор которого разместился во Франции, выпустил прокламацию, которая «всемерно уполномочивала, настоятельно требовала и решительно приказывала нашим верным подданным взять в руки оружие и пойти войной на принца Оранского, узурпатора трона...». У Якова действительно были сторонники в Англии, готовые подчиниться приказу, однако они могли и хотели действовать лишь при условии вторжения Франции на территорию Англии. Впрочем, вторжение было слишком смелым шагом для Людовика XIV, у которого и без того хватало забот на континенте.

Были заговорщики, которые предпочитали действовать в одиночку. Анна – законная наследница из династии Стюартов – непременно взойшла бы на трон в случае смерти короля Вильгельма; эта перспектива, по всей видимости, легла в основу заговора, возникшего в начале 1696 года. По пути домой, в Кенсингтонский дворец, после еженедельной охоты в Ричмонд-парке, король по обыкновению проезжал по узкой дороге вдоль реки в Тернем-Грин. Заговорщики планировали, что там на него нападут вооруженные люди, окружат и убьют. Однако, как и большинство подобных заговоров, он провалился из-за утечки информации и предательства внутри группы заговорщиков. Вильгельм отменил охоту, однако не преминул воспользоваться заговором против него в качестве эффективного рычага управления. В феврале 1696 года, объявив парламенту о раскрытии заговора, он произвел настоящую сенсацию, подтолкнув членов парламента создать союз по охране короля, напоминавший тот, что в свое время был организован при Елизавете I для защиты от испанских заговорщиков.

Общее настроение характеризовалось разочарованием и усталостью от войны. После победы в Намюре Англия продолжала воевать, но уже без больших побед и сокрушительных поражений. Каждая из сторон конфликта стремилась взять противника измором, понимая, что каждое новое сражение грозит стране тяжелыми финансовыми потерями. Впрочем, независимый наблюдатель, если бы такой нашелся, без сомнения сделал бы определенные выводы о неутрачивающем конфликте. Вильгельм III оказался на поверку не по зубам Людовику XIV; энергичность и стойкость короля Англии вкупе с поддержкой союзников смогли остановить экспансию империи Бурбонов. Кроме того, развитие финансовой системы Англии и недавно обретенная экономическая стабильность гарантировали определенную устойчивость страны в случае новых конфликтов.

После пяти месяцев переговоров стороны составили и подписали Рейсвейкский мирный договор (Treaty of Ryswick), который завершил Девятилетнюю войну Аугсбургской лиги. По условиям этого соглашения, заключенного осенью 1697 года, Вильгельм несомненно оказывался в более выгодном положении: Людовик был вынужден отказаться от большей части территорий, захваченных им в ходе войны, и, что более важно, признать Вильгельма III законным королем Англии. Должно быть, это стало серьезным ударом для Якова II и Стюартов, однако, как известно, короли далеко не всегда держали свои обещания.

Спустя девять лет после начала кровопролитной и разорительной войны новости о мирном договоре Лондон встретил колокольным звоном. Сам Вильгельм заявил: «Невозможно описать, какой восторг вызвали здесь вести о мире». Выходить в море вновь стало безопасно, а купцы могли возобновить торговлю, не опасаясь за свою жизнь. Надеялись, что большая часть

налогового бремени будет снята, ведь на покрытие военных расходов уходило три четверти всех налогов.

На открытии очередной парламентской сессии в начале декабря был поднят вопрос о необходимости регулярной армии. Король хотел сохранить ее как средство сдерживания французов, однако подавляющее большинство членов парламента выступало за мирное правительство, что отражало традиционный уклад доброй старой Англии. Решили, что все сухопутные войска, набранные с сентября 1680 года, должны быть немедленно расформированы и армия должна быть не больше той, что существовала при Карле II. В численном выражении это означало 7000 человек. Землевладельцы не хотели платить налоги ради содержания раздутой армии, в особенности иностранных наемников. Эти 7000 человек должны были составлять исключительно подданные английского короля; при этом личная охрана короля, которую обеспечивали голландцы, а также полки французов-протестантов распускались. Вильгельм, едва сдерживая гнев, заметил, что парламент добился того, чего французам не удалось за девять лет войны. Едва ли можно было обойтись с монархом-победителем более подло. Возможно, именно этим объясняется столь сильная тоска Вильгельма по родине.

В начале 1701 года парламент, продолжая продвигать свои интересы, принял Акт о престолонаследии (Act of Settlement), тем самым не оставив династии Стюартов ни малейшего шанса на наследование трона²⁶. Летом 1700 года принц Уильям Датский, одиннадцатилетний сын принцессы Анны и ее супруга, принца Георга Датского, умер от водянки головного мозга. Анна была беременна семнадцать раз, но ни один ребенок не выжил. Когда она взошла на трон, было очевидно, что она не оставит после себя ни одного законного наследника. Уильям был единственным ребенком Анны и Георга, пережившим младенчество, и рассматривался современниками как будущий протестантский король, которому по приказу Вильгельма даже создали собственный двор. После смерти мальчика король в письме графу Мальборо писал: «Это страшная потеря не только для меня, но и для всей Англии; боль пронзает мое сердце».

Разумеется, эта новость была воспринята якобитами с радостью, поскольку вновь зародилась надежда, что Яков или его сын будут законно восстановлены на троне. Однако у парламента были другие планы. Он обратился к Германии, а точнее, к единственной оставшейся в живых внучке Якова I. София Ганноверская, принцесса Пфальцская, в замужестве первая курфюрстина Брауншвейг-Люнебургская, была дочерью печально известной «зимней королевы» Елизаветы Стюарт, чье правление в качестве королевы Богемии продолжалось всего год, пока ее с супругом не изгнали войска Священной Римской империи. Благодаря неожиданному повороту и удачному стечению обстоятельств София должна была стать следующей королевой Англии; если же она не хотела или не могла взойти на трон, наследником становился ее сын Георг Людвиг (Георг Луи) Ганноверский, который был здоров и исповедовал протестантизм.

Впрочем, положения Акта о престолонаследии, предложенные парламентом, предусматривали особые требования. В соответствии с ними монарх Англии должен был состоять в евхаристическом общении с англиканской церковью. Если король родился за пределами страны, то английские войска не были обязаны защищать его родные земли. Король не имел права покидать Англию, Шотландию или Ирландию без согласия парламента. Все эти меры предусматривались для того, чтобы исключить какие-либо притязания, которые могла предъявить Ганноверская династия. Монарх мог быть немцем по происхождению, однако править он был должен по английским законам.

Вильгельм знал, что Рейсвейкский мирный договор не означал окончания вражды, поскольку понимал, что неумное желание славы непременно заставит французского короля

²⁶ После смерти принца Уильяма Датского, сына принцессы Анны, возник кризис престолонаследия. Опасаясь реставрации католиков, в 1701 г. парламент принял Акт о престолонаследии, лишивший католическую мужскую линию Стюартов прав на престол. Согласно акту, после смерти последнего Стюарта-протестанта, коим являлась Анна, наследницей престола объявлялась принцесса София Ганноверская.

вновь испробовать свои силы на военном поприще. Испания подвернулась как нельзя кстати. Испанский король Карл II, известный как Карл Околдованный (Безумный), всю жизнь страдал от многочисленных болезней. Он был инвалидом и умственно отсталым; его язык был слишком длинным и не помещался во рту, поэтому он постоянно пускал слюни. Он отличался непропорционально большой и деформированной нижней челюстью, поэтому остальная часть лица казалась утопленной в ней. Тело Карла сгорбилось из-за размягчения костей, а разум был расстроен. Он верил, что в детстве его околдовали или навели на него порчу; так считал его двор, а вместе с ним и вся страна. По совету монаршего духовника, в качестве лечения к нему стали применять экзорцизм. Карл был последним из Габсбургов на испанском троне. Большое количество близкородственных браков среди его родных, безусловно, могло быть причиной его множественных умственных и физических отклонений. Карл был помехой при жизни, однако после смерти стал настоящей проблемой. Он правил Испанией и Испанскими Нидерландами, которые в основном находились на территории современной Бельгии. Кроме того, Карл возглавлял империю, простиравшуюся от Америки до испанской Ост-Индии. На бумаге это выглядело куда более внушительно, чем на деле, но все же соблазн был слишком велик и не оставлял противникам шанса устоять.

Весной 1700 года, за месяц до смерти Карла, были предприняты попытки разделить испанские владения между основными претендентами. Их алчность вкупе с неудачным стечением обстоятельств помешали реализации задуманного. Император Священной Римской империи Леопольд I Австрийский, проведя тщательное генеалогическое исследование, от имени своего сына заявил о правах своей династии (австрийская ветвь династии Габсбургов) на испанский трон. Результаты этого исследования опирались на положения конкретного брачного договора²⁷. Ни один ящик Пандоры не таил в себе столько бед, несчастий и разногласий, как этот текст. Людовик XIV с ужасом оценивал перспективы союза Мадрида и Вены, который мог привести к переделу французских владений. Карл Околдованный назначил наследником всей Испанской империи герцога Филиппа Анжуйского, который приходился Людовику XIV внуком. Вильгельм III не хотел даже допускать мысли о возможном союзе между Парижем и Мадридом: этого не должно было произойти. Такой огромной империи Бурбонов мир еще никогда не видел.

Однако Людовик был начеку. В конце ноября 1700 года, спустя три недели после смерти Карла, он провозгласил своего внука Филиппа Анжуйского королем Филиппом V Испанским – истинным и законным наследником престола. Людовик также принял необходимые меры, чтобы запретить торговлю между Англией и Испанскими Нидерландами. Вслед за коммерческим и политическим выпадом последовало оскорбление личного характера. В середине сентября 1701 года в ореоле святости скончался Яков II. Еще весной во время мессы в церкви Сен-Жермен у короля случился удар, и его разбил паралич. Пережив еще два инсульта, Яков II умер. В последние годы жизни его постоянными спутниками были суровые монахи французского аббатства Ла-Трапп. Неудивительно, что перед смертью он умолял своего сына и наследника следовать заповедям и предписаниям католической церкви. Людовик, давший обет у смертного одра изгнанного короля Англии, сдержал свое слово перед кузеном и после его смерти признал, что право на английский престол должно перейти сыну Якова II Якову III, которого в Англии называли «Старый претендент», «король за морем» и «старый шевалье».

Это было уже слишком. Провокационный шаг Людовика нарушал условия Рейсвейкского договора 1697 года, по которому он официально признавал Вильгельма III законным правителем Англии. Более того, под сомнение были поставлены все обещания и клятвы французского

²⁷ Леопольд I настаивал на том, что он должен наследовать Карлу II в рамках династической иерархии. Во-первых, оба они происходили от Филиппа I Габсбурга, первого представителя династии Габсбургов на испанском престоле. Во-вторых, Леопольд был двоюродным братом Карла II, поскольку его мать была сестрой Филиппа IV и, что важно, выйдя замуж, не отказалась от прав на испанский престол.

короля, вспомнились давние страхи о том, что Людовик вот-вот начнет насильственно насаждать католицизм, тиранию и всемирную монархию²⁸.

В начале июня 1701 года Вильгельм назначил Джона Черчилля, графа Мальборо, главным командующим и полномочным представителем короля во всех переговорах, касавшихся безопасности Англии и ее союзников. Король понимал, что Мальборо, к тому времени являвшийся бесспорным фаворитом Анны, вскоре станет чуть ли не единственной ключевой фигурой в политической жизни страны. Больше всего на свете король жаждал продолжения войны с Францией. К концу года Голландия, Англия и Австрия заключили договор Большого альянса. Так началась Война за испанское наследство.

Решение Вильгельма было удивительно своевременным. Уже в течение нескольких месяцев его беспокоили озноб, головные боли и тошнота, однако кто бы мог подумать, что решающую роль в его судьбе сыграет обыкновенный крот. В феврале 1702 года король ехал верхом по парку Хэмптон-Корт, когда внезапно его лошадь споткнулась, наступив на взрытую кротом землю. Король выпал из седла и сломал ключицу; осложнения от перелома оказались фатальными, и в марте Вильгельм умер. Долгие годы спустя якобиты продолжали поднимать тост за «маленького джентльмена в бархатном камзоле», который в парке нанес королю смертельный удар (фр. *coup de grâce*).

Народ не особо горевал по Вильгельму, поскольку не слишком любил его. Для многих почивший король был наименьшим злом из всех возможных. Он помешал воцарению монархов из династии Стюартов и возвращению Англии в лоно католической церкви. Однако на деле его наследие было куда более внушительным, чем могло показаться на первый взгляд. Он бросил вызов могуществу Франции и усмирил ее великодержавные амбиции. Он успешно стер из народной памяти воспоминания о слабости и малодушии королей-Стюартов, попавших в финансовую ловушку Версаля. Совместно со своими советниками он смог создать для Англии стабильную финансовую систему и обеспечить перспективные возможности кредитования правительства. Новая династия, внешнеполитический курс и экономический порядок – все это величайшие заслуги Вильгельма, которые не следует сбрасывать со счетов.

8 марта 1702 года, в день смерти Вильгельма, Анна стала королевой Англии, Шотландии и Ирландии. На фоне других монархов она не выделялась привлекательностью, однако совершенно точно пережила больше несчастий, чем кто бы то ни было. Ей было тридцать семь, и за последние шестнадцать лет у нее случилось двенадцать выкидышей; из пятерых рожденных ею детей четверо умерли в младенчестве. Самому старшему из выживших, как мы уже знаем, было одиннадцать, когда он скончался. Годы траура и прерывавшихся беременностей оставили след как на внешности, так и на характере Анны. У нее была такая сильная подагра, что она всегда была вынуждена туго перебинтовывать ноги. Член парламентской комиссии, шотландец сэр Джон Клерк из Пениквика, прибыл как-то в Кенсингтонский дворец, чтобы засвидетельствовать королеве свое почтение, и в ужасе обнаружил Анну, которая «мучилась от очередного приступа подагры, испытывая сильнейшую боль». По его словам, лицо ее было «покрыто красными пятнами», платье – «мятым», а ноги – «в компрессах и каких-то ужасных бинтах». Это явно не соответствовало образу ее величества.

Вдобавок к физическому недугу Анна была крайне молчалива и застенчива на людях. На дворцовых приемах министры иностранных дел и послы нередко сидели около нее в полнейшей тишине. Первая статс-дама Сара Черчилль, герцогиня Мальборо, отмечала, что королева никогда не питала интереса к посетителям; она неохотно задавала вопросы и еще менее охотно отвечала на них. Ее беседа ограничивалась минимальным набором любезностей. Как долго вы в городе? Как вы находите здешнюю погоду? Анна не блистала ни умом, ни сообра-

²⁸ Всемирная монархия – концепция объединения максимально большего числа народов под общей монархической властью.

зительностью, а о делах государственных говорила «исключительно по заведенному порядку» или в тщательно разученной, тяжеловесной и скучной манере.

У ее немногословия имелись причины. Королева была сдержанной по природе и никогда не доверяла полностью ни своим суждениям, ни суждениям других. Джонатан Свифт, не раз наблюдавший ее при дворе, заметил, что «едва ли в Англии найдется еще один такой человек, который бы так деланно скрывал свои страсти». Однако были вопросы, в которых ей не требовалось притворяться. Она являлась яркой поборницей англиканства, истово соблюдала ритуалы и скрупулезно следовала протоколу. Королева непременно выказывала неудовольствие придворному джентльмену или даме, которые не к месту выбрали манжеты, парик или камзол.

День Анны начинался с молитвы в королевской часовне, а затем она погружалась в государственные дела; два раза в неделю королева посещала долгие заседания внутреннего кабинета (который в то время назывался «Тайный совет») – подобная практика всегда выводила из терпения ее предшественников, – а затем переходила к насущным делам: принимала послов, отвечала на прошения, подписывала свидетельства и письма, отправляла советы пэрам и прочим представителям знати. Однажды она посетовала архиепископу Йоркскому, что едва находит время для молитвы. Возможно, она, как женщина, не имевшая наследника, чувствовала себя ущербной. Осознавая, что представители Ганноверской династии дышат ей в спину, она отказывала выбранной наследнице Софии Ганноверской в разрешении приезжать в Англию. Королева боялась показаться бесполезной.

Первое обращение Анны к палате лордов спустя три дня после смерти короля несомненно стало настоящим испытанием для робкой и осторожной женщины. С трона в палате лордов она объявила: «Я знаю, что я англичанка до глубины души, и я со всей искренностью заверяю вас, что сделаю все, чего только можно ожидать или хотеть от меня, ради блага и процветания Англии».

Отсылка королевы к ее английскому происхождению была, несомненно, выпадом в сторону Вильгельма, которого она всегда презирала, и намеком на его непомерную любовь к Голландии. Многие опасались, что королева будет слишком хромать из-за разыгравшейся подагры и не сможет войти в палату лордов, однако вопреки страхам она прошествовала по залу с короной на голове и в тяжелой парадной мантии из красного бархата с вышитым на ней орденом Подвязки²⁹. Сэр Роберт Саутвелл, присутствовавший на церемонии, писал, что «никогда еще из женских уст не лилась речь столь внятная и грациозная». Пусть на лице королевы проступал румянец и временами казалось, что она чувствует неловкость, королева все же сумела продемонстрировать истинное монаршее величие.

На выборах того года тори одержали уверенную победу и уже через несколько недель внесли на утверждение парламента законопроект о «случайной конфирмации» (Occasional Conformity Bill), составленный с целью штрафовать диссентеров и неконформистов за открытое исповедание своей религии, при этом «злостные» нарушители лишались права занимать государственные должности. Еще со времен Акта о веротерпимости 1689 года (Toleration Act) диссентеры могли два или три раза в год причащаться в англиканской церкви, чтобы иметь возможность устроиться на государственную службу. Евхаристия служила им своего рода справкой о профпригодности. Одним из самых известных адептов такой практики был лорд-мэр Лондона сэр Хамфри Эдвин, исповедовавший пресвитерианство; впрочем, это ничуть не мешало ему утром молиться во время англиканской службы, а вечером посещать пресвитерианскую церковь в Пиннерс-холле на Олд-Брод-стрит. Вновь изданный закон преследовал цель положить конец подобным двойным стандартам, которые получили название «прятки с Всемогущим». Теперь за это полагался штраф или тюремное заключение.

²⁹ Благороднейший орден Подвязки (The Most Noble Order of the Garter) – высший рыцарский орден Великобритании, один из старейших орденов в мире.

Сама Анна, имевшая нрав покладистый и спокойный, принадлежала к сторонникам «высокой церкви»³⁰ и благосклонно отнеслась к изданию закона, в котором увидела проявление почтения к англиканской церкви. Однако виги, представлявшие большинство в палате лордов, по всей видимости, уже поняли, что общество, в котором можно было посеять раздор на религиозной почве, так же легко было поссорить и по другим вопросам. Сам Мальборо не видел смысла в том, чтобы в военное время настраивать большую часть населения друг против друга. Поэтому, несмотря на энтузиазм тори, которые на недавних выборах получили большинство в палате общин, законопроект так и не был одобрен. Королева со своей стороны подсластила горькую пилюлю тем, что создала свой собственный фонд под названием «Дары королевы Анны», для которого согласилась жертвовать дополнительный доход от налогов на церковные нужды, чтобы можно было повысить жалованье представителям духовенства из самых бедных приходов.

Впрочем, самой серьезной проблемой в начале правления Анны была война с Францией. Графа Мальборо утвердили в должности главнокомандующего вооруженными силами Англии, хотя теоретически он был ниже по статусу, чем супруг королевы принц Георг Датский. Георг был королем-пустышкой, о котором Карл II отзывался так: «Я пытался прощупать его и трезвым, и пьяным, но в нем ничего нет». Он умер в 1708 году, поэтому последние годы правления Анна провела во вдовстве. Тем временем Мальборо оказался во главе союзных войск, что неудивительно, ведь, в сущности, он был единственным, кому прекрасно подходила эта роль. Первый год кампании напоминал последний год предыдущей войны, когда с обеих сторон практически не предпринималось никаких значительных действий. Осторожность и нерешительность голландцев, которые, несмотря на угрозу вторжения французов, рассчитывали ограничиться лишь обороной, чрезвычайно тормозили Мальборо. Он мыслил вести войну совершенно иначе. Словно в утешение в 1702 году королева пожаловала ему титул герцога.

В последующие несколько месяцев, несмотря на нерасторопность союзников, новоиспеченный герцог смог захватить целый ряд стратегически важных городов на берегах Мааса – крупной реки, которая течет с северо-востока Франции через такие города, как Льеж, Маастрихт и Намюр, и впадает в Северное море. Одержанные победы вдохновили английского писателя-мемуариста Джона Ивлина на строки: «Такого счастливого совпадения благословения и надежды на будущие Божьи милости страна не видывала уже более ста лет». Возможно, это преувеличение, однако факт остается фактом: великая победа была не за горами.

Закрепившись на берегу реки Маас, Мальборо при поддержке артиллерийского огня помог Голландии выстоять под натиском армии Людовика XIV. Тем временем вместе со своим союзником, полководцем Священной Римской империи принцем Евгением Савойским, он уже готовил новую, куда более эффективную стратегию. В ходе броска, столь рискованного, сколь и непредсказуемого, герцог со своей армией покинул земли Голландии и Бельгии и отправился через немецкие княжества в Баварию, курфюрстом которой был ближайший союзник Франции. Именно там протекал стратегически важный отрезок Дуная. Главной целью герцога было уберечь столицу Габсбургов – Вену – от врага. Мальборо совершил поистине искусный маневр, который нередко приравнивают к подвигам Наполеона: он перебросил 20-тысячное войско на 250 миль (402 км) через всю Европу за шесть недель, по дороге присоединив к своей армии еще 20 000 человек. Герцог был вынужден действовать быстро и тайно, чтобы скрыть свои намерения не только от французов, но и от своих робких голландских союзников, которые полагали, что оттягивание сил с территории Испанских Нидерландов – это риск, на который не следовало идти.

³⁰ «Высокая церковь» (англ. *High Church*) – направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму; сохраняет обрядность, утверждает авторитет духовенства, придает большое значение церковным таинствам. «Высокая церковь» настаивает на важности церковных облачений, традиций церковной архитектуры и средневековой музыки во время богослужений.

Мальборо добился своего. В начале августа 1704 года две армии встретились неподалеку от Блиндхайма, или Бленхейма³¹, на равнине близ Дуная. Французы и баварцы заняли оборонительные позиции, за ними была река и лес, однако интенсивные и непрекращающиеся атаки Мальборо в конце концов сломили оборону противника. Английская кавалерия, выстроившись в три ряда и обнажив клинки, ринулась на врага; пехота, выстроенная в три или четыре ряда, была вооружена мушкетами и штыками. К концу сражения французам пришлось отступить в Бленхейм, где, оценив свои потери, они приняли решение сложить оружие.

Победа была безоговорочной. Французы потеряли около 34 000 человек, 14 000 были ранены или взяты в плен, потери англичан и их союзников составили около 14 000 человек. На следующий день герцог Мальборо писал жене: «Не могу закончить письмо, не потешив собственное самолюбие и не поделившись с родственной душой своей гордостью: история человечества не помнит столь великой победы». Видимо, чем больше крови пролито, тем более великой считается победа.

Бавария выбыла из игры, Вена была спасена. Вторжение французов более не угрожало немецким княжествам, и надежды Людовика на быструю и сокрушительную победу потерпели крах. Пожалуй, это сражение стало решающим и повлияло на дальнейший ход Войны за испанское наследство. Англии удалось подтвердить свою военную мощь, а дурные предзнаменования о Людовике XIV растаяли словно дым. Спустя восемь дней новости достигли Англии – страна встретила их с искренним ликованием. Когда гонец сообщил Анне радостную весть, та сказала ему: «Вы доставили мне счастье, какого я не испытывала за всю свою жизнь». Впрочем, повод для радости был далеко не у всех – тори явно не разделяли всеобщего восторга, ибо они выступали против военной политики и дорогостоящих сумасбродств Мальборо. Они задавались вопросом, какой цели служат такие конфликты в Европе.

Во время правления королевы Анны партийное противостояние было особенно сильным и жестким. Сама она соблюдала нейтралитет, не принимая сторону ни ганноверцев, ни якобитов, поэтому для представителей противоборствующих идеологий политического устройства открывался простор для деятельности, и они могли беспрепятственно выражать свою ярость и возмущение взглядами оппонентов. Королева твердо вознамерилась остаться выше партийных распри. Ею руководило инстинктивное и прагматическое стремление сохранять между ними баланс, чтобы не стать марионеткой в их руках. Она писала: «Если мне не посчастливится и придется встать на сторону той или иной партии, я буду считать себя, несмотря на королевский титул, их рабой». Анна не любила ярых сторонников обеих партий и не доверяла им; они были «людьми, не знавшими пощады», и она страшилась их. Однако возможно ли было сохранять равновесие и идти прямым курсом, не выражая явного расположения ни тори, ни вигам? Тори были ее собратьями по вере, соблюдавшими строгие догматы англиканской церкви, однако они были против войн герцога Мальборо; виги же, напротив, поддерживали полководца и все его начинания, при этом они с удовольствием ограничили бы монаршую власть, передав часть привилегий парламенту. К кому же было примкнуть Анне?

Политические партии на тот момент еще не полностью сформировались, однако уже обрели свое историческое лицо. Другими словами, они становились карикатурами на самих себя. В «Путешествиях Гулливера» Свифта две противоборствующие фракции лилипутов – тремексены и слемексены – враждуют из-за высоты каблуков; первые носили более высокие каблуки, являясь аллюзией на «высоких тори», а последние – более низкие. Ненависть между этими партиями была столь сильна, что, по словам Свифта, «члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой».

В мире Лондона начала XVIII века виги и тори посещали свои собственные клубы, кофейни и таверны. Виги аристократических кровей встречались в клубе «Кит-Кэт» (Kit-

³¹ Второе Гохштедтское сражение в англоязычных источниках зачастую именуется сражением при Бленхейме.

Kat Club)³², а тори основали клуб под названием «Общество братьев» (Society of Brothers). Тори были завсегдатаями «Шоколадного дома Озинды» (Ozinda's Chocolate House) на Джеймс-стрит, или отправлялись в «Смирну» (Smurna), находившуюся за углом, или в шоколадный дом «Шоколадное дерево» (Cocoa Tree) на улице Пэлл-Мэлл. Виги предпочитали собираться в кофейне «Сент-Джеймс» (St James's Coffee House), находившейся в опасной близости от «Шоколадного дома Озинды», или направлялись на восток в кофейню «У Баттона» (Button's) близ Ковент-Гардена. Кофейня «У Понтака» (Pontack's) на Ломбард-стрит и «У старика» (Old Man's) в Тилт-ярде также были излюбленными местами вигов.

Джозеф Аддисон как-то назвал Лондон «собранием наций», в котором нравы и обычаи жителей Сент-Джеймса и Чипсайда отличались так же сильно, как нравы и обычаи жителей Туниса и Москвы. И тем не менее в каждом районе был свой центр притяжения – кофейня, которая, как правило, могла похвастаться «каким-нибудь государственным деятелем-завсегдатаем – своего рода глашатаем улицы, на которой он жил». Лондон был городом кофеен. Эти заведения стали набирать популярность в 1660-х годах, когда после смерти «богобоязненного» Кромвеля начали формироваться социальные связи, а значит, стали нужны места для непринужденного общения и дружеских встреч. Лучшего момента для появления кофеен в Лондоне нельзя было и представить. Вскоре они уже воспринимались как неотъемлемая часть городской жизни. Потрескивавшие дрова в камине гарантировали тепло и горячую воду; за пенни на барной стойке можно было получить чашку кофе или горячего шоколада; газеты, висевшие на стенах, полностью покрывали потребность в развлечении и давали повод для беседы. Здесь всегда можно было узнать последние новости.

На иллюстрациях того времени видно, что кофейни обустраивались нехитро: там было несколько табуретов, стульев и обычных столов, сколоченных из сосновых досок. Курение было явлением повсеместным, почти у каждого в руке была трубка. В кофейне «У Андертона» (Anderton's) на Флит-стрит собирались масоны; местечко под названием «У Чайлда» (Child's) в церковном дворе собора Святого Павла было прибежищем ученых и книголюбцев; в кофейне «Грек» (Grecian) встречались ученые мужи; «У Джонатана» на Биржевой аллее всегда толпились «джобберы», или биржевые спекулянты; а врачей привечали «У Бэтсона» (Batson's) в Корнхилле. Если больному требовалась немедленная помощь, он или она сразу отправляли посыльного к «Бэтсону».

Любопытно, что даже врачи не остались в стороне от межпартийных дразг. Когда доктор Олифант открыто заявил о своих симпатиях к тори, пациенты, поддерживавшие вигов, покинули его. А известный представитель тори лорд Оксфорд, завидев у двери дома карету не менее известного представителя партии вигов, отказался входить в помещение. Даже больницы в Лондоне были разделены по партийному признаку: виги получали медицинскую помощь в больнице Святого Томаса, а тори – в госпитале Святого Варфоломея. Кто захочет лечиться у врача, принадлежащего враждебной партии? На два лагеря был разделен и Итонский колледж, где не утихали бесконечные ссоры и драки. Когда Свифт проезжал через Лестер в 1707 году, он писал, «что во всем городе не сыщется ни одной горничной, ни одного подмастерья или школьника, которые бы не были ярыми сторонниками той или иной партии». В выпуске журнала *Spectator* от 3 января 1712 года отмечалось, что «дамы – сторонницы вигов и тори начали носить разные цвета и демонстрировать свои политические взгляды даже в прическе». Четыре года спустя в газете *Freeholder* писали, что первыми словами из уст детей становятся «виги» и «тори».

Одним словом, различия между партиями не ограничивались лишь высотой каблучков. Даже автор этой метафоры Джонатан Свифт до конца дней поддерживал тори. Противостоя-

³² Политико-литературный клуб «Кит-Кэт» – клуб вигов, который появился в начале XVIII в. и поначалу собирался в Лондоне в таверне Кристофера Кэтлинга, известного в кругу друзей как Кит Кэт.

ние было настолько сильным, что превосходство одной из партий над другой было вполне веским основанием для тюремного заключения, ссылки, конфискации имущества, снятия с должности и даже убийства. Среди принципиальных вопросов можно выделить следующие: роль монархии, устройство англиканской церкви, основания для воцарения Ганноверской династии, природа религиозной терпимости и ведение войны. Когда споры разгорались между финансовыми воротилами и землевладельцами, противостояние становилось поистине жестоким. Учитывая столь сильные противоречия относительно основополагающих ценностей и убеждений внутри одной нации, королева и ее правительство должны были действовать крайне осторожно. Это время совершенно точно не было «эпохой стабильности», хотя порой именно так его и называют; в некоторой степени оно напоминало предыдущее столетие, хотя постоянной угрозы войны уже не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.